

Мария Зайцева

Их двое

«Литнет»

Зайцева М.

Их двое / М. Зайцева — «Литнет»,

Пугающие Развратные Безбашенные Как мне сбежать от них? Как устоять?
Ведь я одна, а ИХ ДВОЕ!!! Я хотела поехать на Мальдивы, а оказалась
в затерянном в снегах деревенском доме. И не одна! Смогу ли устоять и
остаться самой собой наедине с ДВУМЯ хищниками? Не уверена...

Содержание

Пролог	5
Когда хочешь на Мальдивы...	10
А едешь в задницу...	15
Я и двое захватчиков	21
Один мерзкий, мерзкий предатель...	25
Договоренности двух высоких договаривающихся сторон	29
Дедова берданка	37
Совместная ненависть	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Их двое

Автор: Мария Зайцева

Пролог

– ... к сожалению, в данный момент все операторы заняты. Оставайтесь на линии, вам ответит первый освободившийся оператор... Ваш номер в очереди... двадцать... семь...

Черт! Черт-черт-черт-черт!!!

Сжимаю трубку в мокрой ладони изо всех сил, словно на части разломать хочу. Да я и хочу! Еще б это помогло побыстрее до полиции дозвониться! Или до службы спасения! Или... Кто у них там сейчас, на номере сто двенадцать?

Вот так, доживешь до двадцати шести лет и не сумеешь даже с первого раза нужный номер вспомнить! Наверно, это мне везло, что до сих пор не требовалось вызывать ни полицию, ни скорую, ни службу спасения? Точно, везло. А вот сейчас – не повезло. Конкретно так.

Осторожно выглядываю из-за спинки дивана, за которой сижу уже... сколько? Не знаю, наверно, не особо долго, потому что тот здоровенный зверюга на улице еще не успел замерзнуть. Хотя, такому, как он, и мороз нипочем, и метель, и вообще...

Вспоминаю огромную спину, затянутую в свитер крупной вязки, похожий на те, что бывают у норвежских моряков, и – б-р-р-р... – сразу такой жутью пробирает, невозможной совершенно... Потому что просто здоровенная фигура – это еще куда ни шло, а вот здоровенная фигура в сочетании с топором, уделанным кровавыми ошметками... Это уже ой. Это уже страшно!!!

По крайней мере, я настолько испугалась, что даже разбираться не стала, откуда взялся этот монстр возле моего дома в начинающуюся метель, что он делает тут, да не один, а со своим приятелем-топором?

Просто сразу занырнула в открытую дверь, пролетела сени, захлопнула внутреннюю дверь, а потом, для надежности, не только засов задвинула, но еще и скамьей приперла.

И вот теперь сижу, прячусь от случайного взгляда в окна за спинкой дивана, пытаюсь вызвать помощь. Полицию, например... Но, как назло, никто не вызывается! Никто не желает меня спасти!

Подношу опять трубку к уху:

– К сожалению, в данный момент все операторы заняты... Вам ответит... Ваш номер... двадцать... пять...

Прогресс, однако, двадцать пятая... Но все равно, без шансов. Тем более, что, того и гляди, связь вырубится. Удивительно, как я вообще смогла дозвониться, учитывая ужас, творящийся в области.

Снегопад, как и любое погодное явление в нашей стране, случившийся внезапно, мгновенно создал аварийную обстановку практически во всех сферах.

Заторы на дорогах, уныло стоящие по обочинам друг за другом здоровенные фуры, поваленные вышки сотовой связи... Очень, вот просто очень вовремя Настенька решила на дальний путь! Удачно получилось, ничего не скажешь!

В жопу мира, которая, как я теперь абсолютно уверена, находится именно тут, в Рязанской области, я добралась относительно спокойно. Первую половину пути – так вообще прекрасно.

Старичок «патриот», который еще папу моего помнил, отлично справлялся с дальней дорогой, а на всякие там неблагоприятные погодные условия чихать хотел с высоты своего клиренса.

Конечно, чтоб выбраться за пределы МКАДа, пришлось потрудиться, но дальше – довольно легкий путь.

Сложности начались в последней трети дороги, когда повалил плотной стеной снег, настолько густой, что дворники забивались сразу, и приходилось останавливаться и их периодически стряхивать. А, так как ростом я слегка не удалась, то мои прыжки вокруг здорового мрачного внедорожника выглядели на редкость беспомощно и забавно.

В другое время я бы, плюнув на все, развернулась обратно, рванула бы домой... Но сейчас ситуация не располагала.

Нервы мои, и без того изрядно потрепанные, просто не выдержали бы обратный путь. Страшно представить даже, что происходит в эти часы на подступах к столице.

Если сейчас кто-то, не дай Бог, решит нас завоевывать, то его ждет жуткое разочарование и удар по нервам и самолюбию. Потому что любой оккупант застрянет намертво в снегах, наледи, перемешанной с некоторым количеством асфальта, который художественно разбросали дорожники поздней осенью. А тех, кто останется в живых, добьют озверевшие из-за обочечников водилы.

Короче говоря, я даже не думала о том, чтоб вернуться назад. Только вперед, только хардкор! Разворот – для слабаков! Понятно, что эти и другие речевки, подходящие к ситуации, тоже погоды не сделали. Особенно, когда мой «патрик», старичок мой неубиваемый, все же не выдержал тупости хозяйки и заглох, напоследок печально мигнув фарами.

А все потому, что надо зверя кормить вовремя... Но я была на нервах, эмоциях и соплях, думала вообще не о том и сдуру просто проморгала стрелку в красной зоне...

Хорошо, что до дома было рукой подать. Какой-то километр всего. По занесенной снегом лесной дороге. В начинающейся, плотнеющей метели. Ерунда!

Как живой добралась, вообще не понимаю, да.

Шла налегке и на чистом упрямыстве, планируя отогреться, отоспаться, а затем, когда метель утихнет, спокойно на лыжах добраться до моего старичка и забрать вещи...

Выдохлась, измучилась, не чуяла ни ног, ни рук, ни головы... И, естественно, когда увидела возле дома огромного мужика с окровавленным топором, слава всем богам на свете, стоящего ко мне спиной...

Хватило мозгов не заорать дурниной, выдавая себя полностью, а тихой мышкой скользнуть в приоткрытую дверь... Ну и закрыть ее, естественно.

На этом мое везение закончилось, судя по всему.

Потому что служба спасения не отвечает, метель за окном крепчает... А в сенях слышатся тяжелые шаги!

Ой, мамочка!

Да от них весь дом ходуном ходит, кажется!

Я слышу, как топает маньяк (а в том, что это маньяк – вообще никаких сомнений, кто еще может в нашей глуши с топором окровавленным таскаться?), сбивая с ног снег... Он еще не понял, что в дом ему пути нет... Сени-то я оставила открытыми...

В нарастающей по геометрии панике опять прикладываю телефон к уху:

– Ваш номер... двадцать... один...

Да чтоб тебя! Меня тут убьют и на куски разделают, пока до десятки хотя бы дойдет!

В сенях скрипят деревянные полы. Самый страшный звук на свете, клянусь!

Скрип-скрип-скрип... И сердце мое в такт – стук-стук-стук...

Шаги замирают у запертой двери. Сердце перестает биться.

С той стороны дергают ручку. Сначала легко. Видно, не понимая, что происходит. Потом все сильнее и сильнее.

Я не дышу, смотрю, не отрываясь, как ходит туда-сюда ручка двери. Самое страшное зрелище на свете, честно-честно! Куда там всяким саспенсам и прочему бреду! Просто дверь, просто ручка... Просто описуюсь сейчас от страха!

Но, когда за дверью слышится нечленораздельный медвежий рев, я понимаю, что до этого – был вообще не страх! А так, детская разминочка!

А вот сейчас – он! Страх!

Дверь начинает буквально трещать, ритмично так, жутко! Он бьется в нее бревном каким-то, что ли? Или башкой... Второе, вероятней, откуда у меня тут бревна, спрашивается?

Рев становится все громче, с двери сыплется труха от диких ударов.

В ужасе опять подношу телефон к уху... Тишина! Просто тишина! Без номера, равнодушно сообщаемого роботом! Словно внезапно я оказываюсь на дне, под толщей воды!

Я отрываю трубку от уха, смотрю на экран. Связи нет. Совсем. Никакой.

За дверью уже не рычат даже, просто долбятя сильно и жутко, дверь ходуном ходит!

Телефон сдох!

И тут мои нервы со звоном лопаются!

Нет уж! Нет-нет-нет!

Вскакиваю и несусь по скрипучей лестнице наверх, где, под самой крышей, в маленькой спальне висит на стене дедова берданка!

Мозг сработал правильно, я вспоминаю про нее в самый критический момент в жизни!

Правда, вообще нет уверенности, что смогу ее зарядить, найду патроны... Что она вообще стреляет!!!

Но хоть отпугнуть! Хоть прикладом! И вообще! Он – маньяк, конечно, возможно, людоед, это же рязанская глушь, тут ничему не удивишься... Но инстинкт самосохранения у него должен быть!

И огнестрельное оружие – мое преимущество!

Отгону от дома, а там, глядишь, и связь появится...

Воодушевленная, забегаю в комнатку... И торможу, словно кошка о ковер, всеми четырьмя лапами!

Потому что комната не пустая.

На здоровенной кровати, помимо которой, собственно, в помещении ничего и нет, спит мужик.

С перепугу он тоже кажется мне нереальных размеров!

Оторопело пялюсь на широченную спину, руки, вольно раскинувшиеся по кровати, разрисованные цветными рисунками...

Поджарый зад в белых боксерах.

Волосатые длинные ноги.

Ступни гигантского размера...

Взгляд в панике скользит от самого сладко дрыхнувшего мужика по стенам...

Ружья нет! Нет!

Тут снизу слышится дикий треск, дверь, похоже, все-таки почилла смертью храбрых, нечленораздельный рев превращается в вполне членораздельный мат, мужик на кровати поднимает голову, смотрит на меня с недоумением через плечо...

А я уже даже не в ужасе, а в какой-то запредельной его степени, осознаю весь кошмар ситуации.

Я одна, в глубокой заднице русской провинции.

В одиноко стоящем в глубине леса доме.

Со страшным огромным мужиком.

Наедине.

Хотя, нет!

Не с одним мужиком! Не с одним!

ИХ ДВОЕ!!!

Когда хочешь на Мальдивы...

Задница в моей жизни, наступила, как это обычно происходит, неожиданно. Ничего не предвещало, как говорится, и вот опять.

Вчера, с утра пораньше, ко мне зарулил Борюсик.

Это я его так называю, Борюсик, а так-то он – Борис Константинов, журналист, спортивный комментатор, блогер, писатель и еще Бог знает кто. Очень востребованный парень, что, кстати, странно, учитывая его неумение прогибаться под нужных людей, говорить то, что требуется и рекламировать всякое дерьмо, которое, тем не менее, приносит бешеный доход.

У нас с Борюсиком еще в универе был краткосрочный недо-роман. Недо – это потому что дальше поцелуев и петтинга мы не двинулись, вовремя решив, что не стоит портить сексом шикарные дружеские отношения.

В конце концов, для постели можно найти человека, а вот чтоб просто вместе над чем-то поржать – нифига.

После универа наши пути немного разошлись. Борюсик, уже с первого курса активно сотрудничавший с несколькими очень солидными интернет-изданиями, спортивными журналами и так далее, спокойно двинулся дальше в этом направлении, а я, помыкавшись туда-сюда и с огорчением осознав, что начинающих журналистов нигде почему-то не ждут с распростертыми объятиями, ушла на фриланс, копирайтить и зашибать, пусть и небольшую, но постоянную копеечку.

Тексты на заказ у меня всегда шли легко, дедлайны соблюдались, клиенты прирастали, и вскоре я уже и не хотела никуда таскаться, прочно засела дома и работала себе спокойненько. Все кризисы-шмизисы и прочие напряжения меня обходили стороной, клиенты – солидные фирмы, ценящие постоянство и профессионализм, исправно платили.

Борюсик, периодически возникавший на моей орбите и норовивший вытащить из «этого днища», как он называл мою теплую конуру и спокойную работу, вскоре утомился и, наоборот, в последние года два являлся ко мне отоспаться, отъесться, рассказать об очередной бабе, которая почему-то не поняла всю прелесть свободных отношений и не услышала те искренние слова, которые он говорил каждой в завязке их «любовной» истории.

Я не помню в точности, но мне он тоже что-то такое пытался втирать, ох, как я поржала в процессе! Борюсик даже расстроился, бедолага. А потом сам еще ржал со мной.

Вот и вчера он пришел, как всегда, весь такой на стиле, модно-небрежный, с бородкой и новейшей моделью телефона.

– Глянь, чего у меня есть! – заявил он с порога и эффектно разложил телефон.

Я равнодушно глянула, продолжая лихорадочно продумывать, чего еще могла забыть? Явно что-то упустила, не положила в чемодан.

Я настолько редко выбиралась куда-либо, что процесс сборов был занятием дико травмирующим.

– Опять раскладушки, что ли, в моде? – ради приличия проявила я интерес к его обновке.

– Бляха, ну ты село вечное! Это – самая последняя модель! По предзаказу! Стоит, как твой «патрик»! Кстати, видел его на стоянке во дворе, у него, смотрю, левый бок проржавел совсем?

– Это краска так легла, – обиделась я за своего любимца, – я его поцарапала тут...

– Да нафига было красить-то? На нем все равно ни черта не заметно. Трактор, он и есть трактор... А ты чего это, собралась куда-то? В свой курятник? Медведи же сожрут... – наконец, обратил Борюсик внимание на раскиданные по всей моей студии вещи и здоровенный чемодан посередине.

– Не надо обижать дом моих предков, – обиделась я, – и нет в рязанской области медведей... И вообще, я не туда. Женя на курорт позвал, на Мальдивы...

– Ого! А с чего это такая щедрость от твоего задрота?

– Борюсь, я тебе уже говорила, мне не нравится, когда ты его так называешь.

– Мась, ну а как я должен называть человека, бегающего от тебя к бывшей? Он тебе рога наставил уже размером с пятиэтажку, а ты все не веришь!

– Борь, я разозлюсь сейчас!

– Вот! Разозлись! И пошли его уже нахер!

– Я тебя сейчас пошлю!

– Так меня бесполезно, ты же знаешь...

Я надулась, не желая больше слушать гадости про Женю, моего постоянного парня, и по привычке прикидывая, почему это Борюсик так его невзлюбил?

Нормальный человек, инженер в одном очень даже серьезном производственном холдинге, Женя был интеллигентным до мозга костей, москвичом в фиг знает, каком поколении, имел приятные черты лица, приятные привычки... И вообще... на редкость комфортный в общении. Спокойный, я бы сказала.

Наш роман длился уже год и неторопливо двигался к естественному завершению: свадьбе. Вместе мы не жили еще, я не особо хотела, предпочитая спокойную жизнь на своей территории, но потом планировали, конечно. Как раз после Мальдив, где, как я предполагала, должно было произойти торжественное объяснение и предложение руки и сердца.

Так-то, я бы и без него обошлась, но Женя был мужчиной консервативным и настаивал, чтоб все происходило правильно.

– Мась, – Борюсик отследил мой напряженный взгляд, утащил за руку к дивану, усадил, обнял, – ну прости меня. Просто... Он какой-то недоделанный тюфяк. Думает о себе много, словно пуп земли. Подумаешь, москвич он... Один гонор и никакого толка.

– Ты несправедлив к нему, Борь, – возразила, с удовольствием зарываясь носом в его свитер. Пахло от Борюсика всегда на редкость вкусно. – Он – хороший, любит меня... Пони-маешь?

– А ты его? Любишь?

– Ну конечно, – чуть помедлив, ответила я, – люблю... Он – хороший, добрый, надежный... С ним хорошо...

– Слишком часто произносишь «хорошо»... Слушай, Мась, а как у вас в постели?

– Хоро... – начала я, но потом прикусила губу.

Борюсик сжал крепче, губы его скользнули по шее, тепло и мягко целуя:

– Вот видишь... А он знает, что тебе нравится, когда вот так делают? М?.. Он знает, от чего ты заводишься?..

Голос его стал ниже, насыщенной, объятия крепче, а я, почуяв подвох, завозилась в его руках, выбираясь на волю.

Отошла, торопливо одергивая длинный свитер, посмотрела настороженно на Борюсика:

– Ты чего? Давно секса не было, что ли?

Друг усмехнулся, вальяжно откидываясь на спинку дивана:

– Нет, Мась, нет. Просто хочу тебе показать, что твой Женя – вообще не то, что тебе нужно. Вон, как реагируешь, а мы с тобой, между прочим, даже и не спали никогда. И даже при этом, я лучше знаю, чего тебе хочется, от чего ты тащишься, чем он...

– Вообще не прав, вот вообще... – поймав себя на некоторой неуверенности, я нахмурилась.

– Прав, Мась. И ты это знаешь. Он – вообще не твоя история, как ты этого не поняла до сих пор? Ты – на редкость заводная, горячая девочка. А он – сушеный мухомор, который постепенно просто отравит тебя. Ты и так с ним вообще перестала на улицу выходить!

– У меня просто работа...

– Да нифига! – перебил меня Борюсик, – у тебя просто Женя! Который названивает каждые две минуты, стоит тебе выйти куда-то с подружками погулять! А, кстати, где Ленка? Давно ее слышала?

– Она... У нее...

– Вот-вот...

– Ну хватит, – не выдержала я, – нечего мне портить настроение перед поездкой!

Демонстративно подошла к чемодану и начала без разбора забрасывать туда шмотки. Внутри грыз червячок, как всегда, когда засранец говорил что-то, похожее на правду. А я в упор не желала этого видеть и понимать. Проходили уже, блин. Знаем.

Борюсик смотрел на меня с минуту примерно испытующе, потом смягчился.

– Ладно, прости меня... Я просто переживаю за тебя, понимаешь? Он таскается к бывшей по любому поводу, сама мне говорила, жаловалась...

– Че-е-ерт... – зашипела я с досадой, – зачем вообще лягнула? Борюсь, я же объясняла как отношусь к ситуации, это нормально, что люди после расставания остаются друзьями...

– Но не до такой же степени, чтоб... – Борюся вовремя заметил мой обиженный взгляд, потому что тормознул и сменил тему, – ладно, ну чего ты! Мальдивы – это круто. Загоришь, будешь классенькая, он тебе сразу предложение и сделает...

Борюся встал, обнял меня опять и продолжил:

– А еще лучше, закрути там роман с каким-нибудь спасателем... Почувствуй разницу. И возвращайся той Маськой, какой я тебя помню, безбашенной и веселой.

На последних его словах я опять вырвалась и пошла в кухонную зону. Там принялась готовить кофе, раздраженно швыряя чашки.

Борюсик понаблюдал за мной, задумчиво побарабанил пальцами по барной стойке.

– Слушай, Мась, а этот твой дом... Я помню, что летом там какая-то дорога была, да? А зимой что? Заметает его нафиг?

– Ну... Там до деревни ездит трактор... – ответила я рассеянно, успокаиваясь привычным делом, – и туда, бывает, добираются... Но нужно заказывать, если большой снегопад... Правда, сейчас не обещают, там, наверно, хлябь еще с осени... А ты чего вдруг про него вспомнил?

– Да так... Помнишь, как я там с крыши навернулся?

– Ага, – рассмеялась я, радуясь, что Борюся переключился с неприятной мне темы на общие смешные воспоминания.

Мы с ним как-то ездили в деревню в Рязанской области, откуда родом моя бабушка. Там, на отшибе, стоял старый, но вполне еще крепкий дом, который мой прадед своими руками построил. Сначала это была охотничья заимка, которая постепенно разрослась до вполне нормальных размеров. Внизу была большая комната, совмещавшая в себе, как это часто бывает в русских домах, кухню и гостиную, а деревянная лестница со скрипящими ступенями вела на второй этаж, под самый скат утепленной крыши, где была еще одна, маленькая спальня. В

целом, семьей там жить было нельзя, места все же мало, а вот приезжать на охоту, отдыхать летом ненадолго, вполне.

Борюсик был там один раз, после первого курса универа мы с ним поехали провести мою бабушку. И заодно заехали туда, потому что бабушка, обрадовавшись наличию парня в моей жизни, тут же воспользовалась этим и заставила его починить текущую крышу на заимке.

Борюся, который, конечно, знал, с какого конца нужно брать за молоток, все же испугался. Но бабуле моей фиг откажешь, потому мы с ним покорно поехали ремонтировать крышу. С которой Борюсик и навернулся, получив ушиб копчика и навсегда возненавидев мой милый домик.

С тех прошло уже семь лет, бабушки нет в живых, а домик, доставшийся мне по наследству, стоит. И, наверно, еще и моих детей увидит, потому что продавать его я не собиралась, наоборот, каждое лето туда исправно ездила и вкачивала деньги в благоустройство и поддержание его в нормальном виде.

– Ты надолго уезжаешь-то?

– На две недели, – я включила телек, собираясь поискать прогноз погоды. Усиливающийся снег за окном меня беспокоил. Не хватало еще в пробки попасть на пути в аэропорт.

На одном из новостных каналов передавали историю какого-то секс-скандала с участием звезд хоккея.

Я притормозила, разглядывая смазливые физиономии на фотках.

Они были немного похожи, эти уроды.

Один – улыбающийся во все тридцать два, развалившийся на стуле хозяин жизни.

Ярослав Котов, гласила подпись, центральный нападающий национальной сборной, самый результативный игрок сезона и обладатель золотой клюшки «Лучший снайпер сезона».

И его приятель, наоборот, серьезный, массивный очень, это даже по фотке было видно, взгляд такой прямой, жуткий, словно сейчас ударит.

Матвей Егерский, самый результативный защитник национальной сборной, обладатель приза «Железный человек».

Они оба обвинялись в сексуальных домогательствах к девушке.

Фото девушки, невинной блондинки с испуганным взглядом и следами побоев на хорошеньком личике, было показано чуть ниже.

Я поразилась контрасту. Два лощеных, уверенных в своей вседозволенности зверя и нежная девушка. Что она могла противопоставить этим моральным уродам? Ничего! Твари, просто твари! Ненавижу таких!

– Твари какие! – вырвалось у меня, и Борюсик глянул с удивлением.

– Ты чего это?

– Как чего? – я развернулась к нему, злобно указывая ложкой на экран телека, – смотри!

– Ну, смотрю... Пока ничего не вижу, никаких доказательств, кроме ее слов, – возразил Борюсик, а я застыла с открытым ртом, не веря услышанному.

– То есть, – уточнила я, – ты им веришь? Да?

– Презумпция невинности, слышала, Мась? Девчонка может соврать, Кот и Егерь – парни небедные. Может, хочет бабла стясти...

– Да ты... Ты что? – я даже потерялась от таких заявлений, – ты им веришь? Да ты посмотри на них! Посмотри! Это же они в прошлом году кафе разбомбили? Драку устроили?

– Не-е-е, Мась. С футболистами путаешь, а эти – нормальные ребята, отличные спортсмены...

– Ты их еще и защищаешь? – неожиданно взъерилась я, – не ожидала! И вообще... как ты их назвал? Ты с ними знаком?

– Ну... Да, общались, – нехотя подтвердил Борюсик, – они – нормальные парни, а эту шумиху подняли журналисты!

– Значит, было из-за чего! – отрезала я.

– А ты не задумывалась, почему эта малышка рванула в прессу, а не в полицию?

– Потому что знала, что там ей могут не поверить и все замять!

– Черт, Мась... Ты – очень непримиримая, так нельзя.

– Нельзя – домогаться до беспомощной девушки, которая не может дать отпор, – отрезала я, – все, не хочу про это говорить! Очень надеюсь, что их посадят!

– Ну все, завелась, боевая коровка, – рассмеялся Борюсик, – ты мне лучше дай тот журнал, что я тебе привозил, помнишь? Он мне нужен, я там кое-какие записи на полях сделал и забыл. А сейчас вспомнил...

– Так... – я наморщила лоб, припоминая, где мог быть спортивный журнал, который Борюсик оставил у меня в прошлый свой приезд, – он в шкафу, кажется, в прихожке...

Я пошла туда, начала копаться в ящике, но журнал все не находился. Куда сунула, непонятно... И вообще... У меня времени нет, скоро Женя приедет, а я вещи не собрала до сих пор!

– Слушай, Борюсь, давай, как вернусь с Мальдив, сразу тебе найду его? Нет времени...

– Ну ладно, – ответил Борюсик прямо за моей спиной. Я даже подпрыгнула от неожиданности.

– Ты чего так подкрадываешься?

– Да я вспомнил, мне в одно место надо еще! Давай, хорошо съездить! И смотри, помни мой совет! Спасатель тебя спасет от скуки смертельной рядом с твоей ветошью столичной!

Я не успела наказать Борюсика за гадкие слова, он уже вылетел из квартиры, смеясь и поднимая кулак во всем известном жесте «но пасаран».

Злиться на него было невозможно, а потому я только улыбнулась и захлопнула дверь.

Впереди еще были сборы... Черт, не люблю этого...

На всякий случай, автор поясняет, что ни в коем случае не считает Рязанскую область жопой мира, и героиня сама не считает так, называя свою малую родину исключительно с любовью. Просто здесь героиня немного не в себе, и мы ее понимаем, да?))))))

А едешь в задницу...

В тот момент я еще не подозревала, что неприятные слова Борюсика, все-таки подпортившие мне немного настрой на отдых – далеко не самая хреновая вещь в грядущем дне. Не подозревала, что задница-то всего лишь краешком показалась, упорно маскируясь под солнышко.

Я собирала вещи, прикидывая уже, практически на истерике, сколько брать с собой трусов, и удастся ли купить там дополнительный купальник, если двух будет недостаточно? К тому же, надо было рассчитывать на вечерние выходы... наверно, в ресторан?

До этого я выезжала за границу, конечно, но только в Турцию, там был «олл инклюзив» и молодежный отель, гудевший с утра до ночи, так что из вечерних нарядов пригодились только мини-шорты... А тут что будет?

Судя по отзывам в интернете, отель, в который мы едем, находится на отдельном атолле, и там все супер-вип...

Я тормознула у зеркала, критически осматривая себя на предмет принадлежности к випу.

Н-да... Не особо, конечно, но рихтовка и тонировка должны помочь...

Короче говоря, я увлеклась и потеряла счет времени.

Опомнилась только, когда забытый на кухне телек разразился заставкой вечерних новостей.

То есть, времени уже было много! Семь часов! А самолет у нас в десять!

Я достала трубку, начала набирать Жене, переживая, что могло случиться? Он обычно очень пунктуальный, настолько, что это, если честно, даже подбешивало иногда...

Но не успела набрать, как раздался звонок домофона.

Ну наконец-то!

Я открыла дверь и начала нетерпеливо пританцовывать неподалеку, планируя наброситься на Женю с упреками и хоть как-то выместить напряжение сегодняшнего дня.

Но его вид моментально вытеснил мое эгоистичное намерение.

И как-то сразу пришло осознание: никуда я сегодня не полечу. И, наверно, завтра тоже. И вообще...

Нет, я не пессимистка, если что. Просто... Ну вот интуиция сработала.

И сам Женя, одетый не особо привычно, в кожаную куртку и джинсы, но все-таки совершенно не по-дорожному, не оставлял надежд...

– Что такое, Жень?

– Настюш, – он поцеловал меня сухими губами в висок, приобнял, тяжело вздохнул.

Я терпеливо ждала, когда все церемонии будут соблюдены.

Все равно никуда не едем, чего торопиться-то?

– Мы не едем, как я поняла? – решила я подтолкнуть его немного к разговору. А то так и будет стоять и вздыхать. Интеллигент, чтоб его...

– Понимаешь, я уже собирался, вещи загрузил в машину... Но тут позвонила Кристина... Кристина, значит...

Имя его бывшей жены не то, чтоб резануло, но... Но как-то правильно легло на осознание ситуации. Окончательное осознание.

– Кристина... И что на этот раз у Кристины?

– Не будь такой злой, Насть, – начал обороняться Женя, – у нее форс-мажор, понимаешь? Она в больнице!

– Ой-ой... И что же с ней? – надеюсь, мой голос прозвучал достаточно... Издевательски? Я старалась, если что.

– Подозревают нервное истощение... Она в последнее время очень много переживала...

– Ну понятное дело, тонкая натура, – со знанием дела кивнула я, – так почему мы не едем, позволь уточнить?

– Ну... понимаешь, у нее кот, его надо кормить, пока она в больнице...

– То есть... – вот тут я реально не поверила в услышанное, настолько бредовым оно было, – то есть, мы не едем на Мальдивы потому, что твоей бывшей жене не с кем оставить... кота? Жень... очнись, Жень! Ты сам понимаешь, насколько бредово это звучит?

– Ничего не бредово! – разозлился Женя, прошел в комнату, сел на диван, но тут же подскочил и начал расхаживать вперед-назад, беспорядочно размахивая руками, – ты не понимаешь! Она после смерти матери совсем одна! Ее даже поддержать некому!

– И что? Ни друзей, ни подруг?

– Нет! Ты не знаешь, что за нравы царят в консерватории! Там все друг друга жрут! Она постоянно рассказывает...

– О как! С этого места поподробней. Насколько постоянно бывшая жена моего парня рассказывает моему парню занимательные истории из своей рабочей жизни? – наигранно заинтересовалась я, садясь в любимое кресло с ногами, прихватывая колени ладонями.

– Не надо так, Насть, – поморщился Женя, – ну ты же не такая! Кристина, кстати, о тебе очень хорошего мнения! Она знает, как переживала, когда узнала, что я вынужден был отменить нашу поездку! Прямо слезы на глазах выступили!

– Ну да, Кристина – известная переживальщица, – кивнула я, отчего-то сразу страшно уставая. Мне уже не хотелось ничего обсуждать, ничего доказывать... Мне просто хотелось, чтоб он ушел. Совсем ушел.

К своей бывшей жене, с которой расстался, кстати, задолго до нашего с ним знакомства, к ее коту, к своей маме, категорически не одобрявшей меня и считавшей «понаехавшей», еще к кому-нибудь, очень важному, нужному и чье общество мой парень в очередной раз предпочел моему...

Я смотрела на Женю, который все так же ходил по моей студии, размахивал руками, говорил что-то, убеждал меня даже в чем-то... И думала, куда вообще я весь год смотрела? Ну ладно... Не весь год. Но последние несколько месяцев – точно.

Как я не могла заметить совершенно очевидных вещей? Того, насколько мы друг другу не подходим? И здесь дело даже не в том, что мой парень без конца тусил у своей бывшей жены, рассказывая мне очаровательные истории о высоких отношениях двух интеллигентных людей... Причем, изначально же так было!

И в первое время я даже умилялась, как та баба в кино.

Потом умиление прошло, конечно. Но к тому времени сформировалась привычка.

Женя был приятным, надежным, понимающим. Интеллигентным. За все эти несомненные достоинства можно было потерпеть небольшие недостатки...

Можно было, да.

Но, пожалуй, хватит.

Удивительная, все же, слепота на меня напала!

Или просто желание, чтоб все было так, как у себя в голове уже выстроено? Идеальная, мать её, картинка будущей семейной жизни.

В которую, как мне казалось, все вписывалось.

Кроме одного: Женя – вообще не тот человек, которого я бы хотела видеть рядом с собой! Он – чужеродное нечто. Он настолько не вписывался в мою жизнь, в мою, бляха муха, малюсенькую квартирку даже! Ему здесь явно неуютно. А мне теперь неуютно на это все смотреть...

Непонятно, как можно было быть такой дурой! Зачем я вообще с ним столько времени...

Наверно, тут сработал стадный эффект.

Тебе двадцать шесть, детка, пора бы замуж и детей... Мамины слова, хоть и не слушались, на подсознательном уровне воспринимались.

Да и моя жизнь, спокойная, размеренная, как-то убаюкала, угомонила. Если раньше я регулярно куда-то моталась, жила яркой студенческой тусовкой, то теперь... Теперь словно выцвела, растратила весь запал... А не из-за того ли, что рядом находился человек, который без конца меня гасил? По чуть-чуть, незаметно... Чтоб это казалось нормальным. Требования не ходить по сомнительным местам, не есть непонятную еду, не встречаться со странными людьми... Все это воспринималось заботой обо мне. А чем было на самом деле? Зачем я вообще на это повелась? Спокойствия захотелось? Тишины? И, главное, ему-то я зачем?

– Зачем я тебе, Жень? – перебила я своего недо-жениха, – я просто не понимаю... У тебя есть Кристина, вы – явно дополняете друг друга... А я? Я-то тебе на кой?

– Глупости не говори, Насть, – поморщился Женя, – я – тебя люблю, ты же знаешь... Просто сейчас так ситуация сложилась... Но знаешь, ты можешь поехать одна! Отдохнешь! Я еще не возвращал задаток...

– Спасибо, шикарное предложение, – кивнула я, не делая ни одного движения навстречу ему, – езжай к Кристине, ты, наверно, торопишься...

– Малыш, – он подошел ко мне, попытался обнять, я увернулась, – ну не злись. Ты – такая понимающая...

– Дурочка, – завершила я его фразу, – так и есть. Езжай, Жень.

– Проводишь? Я тебе привез те сапожки, что ты так хотела, помнишь?

Он спокойно пошел в сторону двери...

А я, словно сомнамбула, потянулась за ним, успев по пути прихватить шапку и пуховик.

Пока ехали на лифте, пока шли к машине, я все пыталась осознать происходящее. Весь этот бред.

Он так шутит, все же?

Ну не может же такого быть, черт возьми! Не может!

Честно говоря, не знаю, зачем я вообще поперлась. Наверно, тоже стадное чувство? Не так просто разорвать отношения, длящиеся год. Не так просто враз все оставить...

На улице Женя в самом деле достал с заднего сиденья коробку с сапогами, дорогими, я на них облизывалась примерно неделю назад, когда мы гуляли по торговому центру. И не стала приобретать, потому что Мальдивы же впереди...

И вот теперь – никаких Мальдив. А Женя... Он, значит, успел мотануться за подарком мне, чтоб задобрить...

Давно он решил, что не едет? С утра? Никакого эффекта неожиданности...

Я выдохнула и предприняла еще одну, последнюю попытку расставить все точки над *i*, сохранив при этом хоть что-то человеческое:

– Жень... Скажи честно, ты с ней спишь? Да?

Пусть правду скажет для разнообразия. Такие вещи не делают для милых подруг. Не бросают ради них своих, практически, невест, не отменяют свое, практически, свадебное путешествие. Если он меня ставит настолько низко, то хотя бы пусть причина будет посерьезней, чем кот, которого надо кормить...

– С кем? – наигранно удивился Женя, улыбаясь мне своей приятной улыбкой.

Это было так глупо... Так глупо, Господи... Надо рвать. Просто рвать.

– Жень, а если я поставлю вопрос ребром? Или я, или она?

Приятная улыбка сползла с приятного лица.

– Насть, я тебя всегда считал интеллигентным человеком, – начал он, постепенно заводясь все больше и больше. Или специально себя заводя, или реально я его достала своими каруселями, ведь, наверняка, решил, что в очередной раз проехался мне по ушам, подарил подарочек, позаботился... – Ты чего хочешь от меня? Чтоб я разорвал многолетнюю дружбу с Кристиной? Это глупо, понимаешь? Это – глупый шантаж!

Я смотрела на него, смотрела... И опять накаtywало острое ощущение собственной слепоты, идиотизма. Как я вообще умудрилась так влететь?

А Женю, между тем, несло:

– Ты издеваешься надо мной? Ничего не выйдет, понятно? Я не поддаюсь на шантаж!

Он обошел меня и, полный возмущения, прошел к водительскому сиденью своей машины.

А я только развернулась, чтоб удобней было смотреть.

Мой, теперь уже бывший, парень сел за руль, завел машину, потом заглушил мотор, побарабанил пальцами по рулю...

Вышел и направился ко мне.

– Ну прости, – попытался обнять, но я увернулась, отшагнула, – просто ты меня пытаешься шантажировать. А я всегда считал это низким. Ты на эмоциях. Я понимаю. Мы потом поговорим обязательно. Не дуйся только! – Он все же поймал меня, одеревеневшую, застыв-

шую, поцеловал в холодную щеку, – и, если поедешь, кинь мне смс, чтоб я не снимал бронь, хорошо?

Я ничего не ответила. И не вздрогнула, когда он сел в машину, хлопнув дверью, завелся и уехал.

Стояла, смотрела бездумно на темнеющий город, и мыслей никаких не было. Как-то странно завершился этап в моей жизни... Странно и глупо.

И, главное, винить-то некого, кроме себя!

Поднялась к себе, разделась и села в кресло, любимое, возле окна.

Смотрела на город, пока перед глазами не начало все расплываться. Я с недоумением мазнула по щеке пальцами и удивленно посмотрела на мокрые подушечки. Это я плачу, что ли? Из-за него?

Да пошло оно все лесом!

Я подскочила, неожиданно разозлившись на себя, на придурка Женю, и на Борюсика, оказавшегося правым! Вот только фиг он об этом узнает!

И вообще... Какого черта я тут сижу и кисну? Почему я не могу поехать на Мальдивы одна и, в самом деле, закрутить там с каким-нибудь спасателем? Клин клином, блин!

Я начала бегать по комнате, беспорядочно бросая в чемодан все шмотье, что попадалось под руку, а потом так же неожиданно тормознула.

Не хочу я на Мальдивы!!! Как представила себе, что лечу туда, за счет Жени, отдыхаю в номере с огромной кроватью, а вокруг меня – море, пальмы и парочки...

Бросила все, подошла к окну. Москву заметало декабрьской метелью. В этом году снег выпал очень поздно, дороги все еще были практически сухие, и теперь погода словно наверстывала упущенное...

Что же мне делать? Сидеть одной всю неделю до Нового Года и неделю после?

Можно, конечно, поработать, но я как раз подсуетилась и доделала все заказы, а клиентов предупредила, что буду в доступе только после девятого января... И маму предупредила, кстати. Она умотала в какой-то санаторий отмечать Новый Год...

Получается, я совсем одна, да?

С Женей я уже мысленно попрощалась и даже поплакала по этому поводу, идиотка... И встречать Новый Год с ним и, наверняка, с незабвенным образом Кристины (как я могла быть такой тупой? Прав Борюсик, прав...) точно не собиралась...

Снег валил все сильнее, на дорогах, наверняка, километровые пробки...

И мне внезапно ужасно захотелось туда, где всего этого нет. Нет бесконечных окон вокруг, людей, машин, огней, смога, грязного снега. Где никто меня не сможет достать!

Мне захотелось в мой охотничий домик, мою рязанскую заимку!

Я прикрыла глаза, представляя, как будет здорово на две недели запереться в нем и побыть наедине с собой.

Я что-то загналась, что-то неправильное делала весь этот год... И не замечала этого!

Мне срочно необходимо выдохнуть. Никого не видеть, ни с кем не говорить...

С каждой минутой идея казалась мне все более и более привлекательной.

И, наконец, я встряхнулась, развернулась к чемодану и решительно перевернула его, избавляясь от нелепых легкомысленных тряпок. Мне все это не понадобится там, в рязанской глуши.

Собралась я в рекордные сроки, прихватила деньги, зарядки, ноутбук, с которым не расставалась никогда, теплые вещи, унты, подаренные мне все тем же Борюсиком, ключи от машины. И в последний момент вспомнила про ключи от дома.

Долго лазила, ругаясь и выискивая их. Наконец, нашла еще одну связку, порадовалась и решительно двинулась в путь.

Конечно, в ночь ехать – сплошное сумасшествие, но я надеялась, что пробки уже немного рассосались, и мне удастся вырваться за пределы МКАД без потерь.

К утру я должна была добраться до Рязани, а еще через час – уже до своего милого домика в глуши.

Прекрасные планы.

Вот только задница, словно ясное солнышко, уже не просто показалась над горизонтом. Она была в зените.

Я и двое захватчиков

Когда-то давно, еще в глубокой юности, мне снился кошмар. Точно не помню уже, что именно, кажется, маньяк какой-то преследовал, или что-то типа того... Суть в том, что я во сне не могла закричать. Смотрела, как ко мне приближается угрожающая фигура, понимала, что сейчас мне будет плохо... И немо открывала рот, не в силах ни звука из себя выдавить!

И с тех пор почему-то думала, что в реальности так же будет. Если что случится, мозг в панике отрубит все нервные окончания. И голосовые связки в том числе...

Оказалось – нифига.

Я вижу так, что мужик, здоровенный, бородатый, сонно тарашающийся на меня с моей же кровати, морщится и пытается прикрыть ухо. Почему-то одно.

А внизу второй монстр перестает ломать дверь. Вероятно, в осадок выпал от удивления.

Я вижу, вижу, потом подхватываю небольшую табуреточку, до этого вполне мирно стоящую возле двери, и швыряю ее в сидящего на кровати бугая.

Он машинально уворачивается, отбивает снаряд, матерится.

И синхронно с ним начинает материться зверь внизу.

А я... А я – между ними! Боже! И деваться некуда! И еще табуреточку кинула! Лишилась последнего орудия защиты!

– Кот! Мать твою, Кот! – звериный рев снизу приближается, угрожающе скрипят ступени... Монстр с топором поднимается ко мне. И зовет какого-то кота... – Ты живой там? Кто так орет? Какого хера ты закрыл дверь, придурок?

Я уже не могу орать, только немо открываю рот, тарашу безумные глаза на неспешно поднимающегося с моей кровати мужика. Голого, черт! Если не считать белых трусов, вообще ничего не скрывающих!

Я оторопело наблюдаю, как он встает, ковыряет пальцем в ухе, а затем... Подмигивает мне весело и ухмыляется:

– Ничего себе, у тебя голосище!

– Кот, мать твою!

Рычание зверя раздается за моей спиной. Я взвизгиваю и отпрыгиваю назад, в уголок за дверью спальни. Шлепаюсь на задницу, выставляю перед собой рюкзак в качестве заслона. Понятное дело, это выглядит нелепо, но больше-то у меня все равно ничего нет.

Обнаружившийся за моей спиной зверь, уже без топора, всклокоченный и злощипый, в первую очередь заглядывает в спальню, матерится еще громче:

– Да хватит тут стояком своим светить, придурок, бля! Какого хера происходит? Кто это? И чего орет?

– Не зна-а-аю... – Мужик, которого первый маньяк зовет Котом, тянет по-столичному гласные, голос его, хриплый со сна и веселый, несмотря на ситуацию, – я думал, ты впустил...

– Да с хера ли? – злится маньяк, – я на улице был занят, дернул ручку, а дверь закрыта! Думал, твои шутки, как всегда...

– Да на кой мне так шутить? – удивляется Кот, – я спал вообще-то! Проснулся от твоего мата. Глаза продрал, а тут эта! Стоит, пялится. Я пока соображал, что к чему, она заорала. И все, я думал, оглохну, к чертям собачьим...

– А я думал, или она тебя тут убивает, или ты ее трахаешь! Думал, когда ты бабу умудрился приволоочь? В багажнике, что ли?

– А я решил, это ты припер... Погоди, откуда она тогда? Если не ты и не я?

Тут оба захватчика замолкают и поворачиваются ко мне.

Они стоят надо мной: полуголый, успевший натянуть на себя джинсы, Кот и мощный, на полголовы выше его, маньяк-лесоруб, в заляпанном кровью свитере.

Здоровенные, крепкие, с одинаково удивлёнными зверскими взглядами. Жуткие, страшные...

Я пытаюсь задницей заползти еще дальше в угол, перевожу взгляд с одного на второго, в голове мутнеет от ужаса.

Это, определённо, беглые зеки. Маньяки. Звери. Они меня просто растерзают сейчас...

Господи, и чего я на Мальдивы не поехала...

Сидела бы сейчас на шезлонге, попивала мохито... С зонтиком...

От обиды за себя не сдерживаюсь и тихонько подскуливаю. Рюкзак по-прежнему держу перед собой.

Маньяки, между тем, переглядываются, и глаза у них удивленно-настороженные.

Наконец, тот, который Кот, задает вопрос:

– Ты кто вообще?

– Я-а-а... – голоса по-прежнему нет, только сип какой-то удушающий. Я кашляю, затем пытаюсь еще раз, – я-а-а-а...

– Да тварь эта, из «Спортскандалов», – рычит тот, что в свитере, и я тут же затыкаюсь, кусая губы от ужаса и выше поднимая перед собой рюкзак.

– Ну чего ты вылез, бляха муха? – возмущается на своего приятеля Кот, – она тебя, вон, боится до усрачки!

– Да нифига она не боится, – возражает маньяк в свитере, – ты глянь в ее глаза бесстыжие! Внешне безобидная, няша такая с оленьими зенками! А не успеешь ушами хлопнуть – уже в дом пролезла и нагадила там! В рюкзаке что? Камера? Сто процентов камера!

Он рычит гневно, наклоняется и выхватывает у меня единственное средство защиты.

– Отдай! – тут же взвиваюсь я, тянусь за рюкзачком и даже, в гневе, забываю о своем страхе.

Правда, мои попытки отстоять свое имущество ничем хорошим не завершаются, потому что маньяк пользуется нашей, буквально колоссальной, разницей в размерах и росте, поднимает повыше руки, потроша мой рюкзачок бесцеремонно и с опытностью таможенного инспектора в аэропорте.

Я рвусь на перехват, но попадаю в лапы второго маньяка, Кота. Он прижимает мое брыкающееся тело к своей голой груди, ржет, мягко, но крайне основательно скручивая руки:

– Не крутись, няша, камере твоей кирдык настал, Егерь у нас не любит достижения современной цивилизации, что найдет – уничтожит, как чуждый элемент... Да не брыкайся ты, я же и связать могу!

Я молча, не доверяя больше так сильно подведшему меня речевому аппарату, сопротивляюсь, царапаю голые жилистые предплечья, забитые татуажами, бьюсь затылком о твердую грудь, по крепости способную поспорить с гранитной плитой, скалюсь, прикидывая, где у него слабое место, чтоб куснуть побольнее. Мысль о том, что таким образом я только сильнее разъярю захватчиков, в голову не поступает.

Я говорила, что в гневе страшна, как полевая мышь, загнанная в угол? Может, сил у меня нет, и зубов острых тоже, но вот дурной ярости – через край.

Так-то, я тихая. Спокойная... Если не вывести. Они вот – вывели. Залезли в дом, напугали, отобрали вещи... Да я их загрызу сейчас!

– Егерь, давай в темпе, она кусается! – орет мой захватчик, когда я решаю не ждать милостей от природы и просто впиваюсь зубами в предплечье.

Тот, кого Кот зовет Егерем, заканчивает потрошить мой рюкзак. Все, что в нем есть, бесцеремонно вывалено на пол, швы самого рюкзака прощупаны и вывернуты, все гаджеты – уничтожены.

Я смотрю, как гибнет под здоровенным грубым ботинком мой ноутбук, и от огорчения впиваюсь еще крепче в предплечье Кота.

Тот рычит, трясет меня, словно бешеную собаку, повисшую на штанине, но я не отцепляюсь.

Даже кусок его плоти, оторванный мной, будет малой платой за мой ноутбук! Мой рабочий инструмент! Твари! Какие твари!!!

– Все, вроде нет ни диктофонов, ни камер, – удовлетворенно басит Егерь, и только тут замечает бедственное положение своего приятеля, оглядывает художественную инсталляцию «Собака за медведе», ржет, – Кот, ты, я смотрю, себе ручную зверюшку завел! Кусачую!

– Да отвали ты! Помоги лучше снять! Она, походу, бешеная!

Тут я разжимаю зубы, с омерзением сплевываю чужую кровь, и цежу с ненавистью:

– Сам ты бешеный! Отпусти, урод!

– А если опять кинешься?

– Пусти!

Меня, наконец-то выпускают, я падаю на колени, горестно рассматриваю свой ноут... Нет, карту памяти я, конечно, извлеку... данные сохранились. Я же в облако все копирую. Но самого старичка безумно жаль... Он столько лет мне служил... Твари подлые!

– Суки, – шиплю я, уже не ощущая страха, только гнев, ярость, желание убивать, – суки... Ответите мне за все, твари...

– Это ты ответишь, – веско роняет Егерь, неподвижно стоящий надо мной и с удовольствием разглядывающий дело рук своих, – прямо сейчас, по порядку ответишь, кто такая и кто тебя сюда послал. Какой сайт?

– Да пошли вы... Оба... Вон! – тут я вскидываюсь, подпрыгиваю и твердо становлюсь на ноги. Первый испуг прошел уже, первая неожиданность и ступор – тоже. Теперь я в ярости. И, даже если они маньяки, в чем я уже сомневаюсь, кстати, слишком удивленные оба. Да и тот, что держал меня, Кот, вел себя не агрессивно. Мог бы меня головой шваркнуть о стену, чтоб зубы расцепила, и все. А он терпел мужественно...

Короче говоря, я прихожу к выводу, что это – обыкновенные путники, которых, может, просто застала непогода. Непонятно, правда, какого хера они ведут себя здесь, словно хозяева, но это же мужики. Что с них взять? Хозяева вселенной, блин.

И потому я стою перед ними, с красным от злости лицом. Сжимаю руки в кулаки и шиплю злобно, яростно:

– Вон пошли из моего дома!

Топаю ногой и указываю пальцем путь следования. Выглядит это, наверняка, на редкость тупо, но в данный момент мне пофиг на то, как я смотрюсь стороны.

Очень уж хочется выгнать придурков из моего уютного домика, закрыться на все замки и, наконец, поплакать всласть. Обо всем, блин!

Но никто не торопится выполнять мой приказ, непрошенные гости переглядываются, а затем Кот осторожно уточняет:

– Твоего дома? Ты – Мася, которая должна быть на Мальдивах?

Один мерзкий, мерзкий предатель...

Я настолько удивлена, что с минуту стою, раскрыв рот и переводя взгляд с одной небритой хари на вторую бородатую. Откуда они?.. Мася... Мальдивы...

Осознание ситуации происходит постепенно, потому что я, после всех свалившихся на голову напастей, немного подтупливаю, но когда происходит...

Борюсик, мать его! Подлый, мерзкий, очень мерзкий... Предатель! Скот! Сволочь!
Картинка в голове складывается мгновенно.

Неизвестно, на кой хер он приперся ко мне вчера, может, обстановку разведать или просто в гости, но ситуацию срисовал мгновенно.

Мальдивы, мое двухнедельное отсутствие... И затерянный в глуши рязанской жопы домик...

И эти две рожи, две мерзкие рожи, как я теперь понимаю, изначально показавшиеся мне знакомыми!

Кот и Егерь! Ну, конечно, он именно так их называл! Котов и Егерский, два извращенца, пристававшие к беспомощной девушке!

Я настолько не в себе от злости, что даже не ощущаю опасности, хотя должна бы, учитывая всю их грязную историю.

Но мне не страшно. Мне мерзко, отвратительно, тошно. В первую очередь, от осознания того, что мой друг многолетний, тот, кому я доверяла, как самой себе, оказался такой же гадкой крысой, как и два этих урода, все еще стоящих напротив меня и совсем не торопящихся свалить с глаз. Навсегда, мать их! Навсегда!

– Конь сказал, что тебя две недели не будет... – басит Егерь, даже немного смущенно. Как-будто это что-то меняет! Объясняет. Почему они без спроса тут хозяйничают!

– Конь, – язвлю я, – ох, какое хорошее имя, только так теперь его и буду называть... Так вот, Конь оказался не прав. Я собралась отдохнуть здесь. В моем доме. Одна. А потому... – я делаю эффектную паузу, исключительно для того, чтоб до их динозаврских мозгов дошла вся полнота картины и мой последующий приказ, – пошли вон отсюда! Сейчас же! Иначе вызываю полицию, пусть пакуют вас за взлом дома!

– Ну так взлома-то не было, – обоснованно замечает Кот, обходя меня и нахально роюсь в моей (моей, бляха муха!) малюсенькой тумбочке, стоящей возле кровати.

Я, в молчаливом негодовании, наблюдаю, как он достает оттуда сигареты, достает одну, мнет в пальцах, вдыхает... И кладет обратно!

Второй из хватчиков, Егерь, подбирает мой изнасилованный рюкзачок, смущенно и неловко запихивает туда все, что вытряс, и протягивает мне.

Ситуация настолько нелепая, что у меня даже не хватает сил на реакцию. Словно все вышло сначала со страхом, потом с криком, а в финале – со злостью.

Я молча хватаю рюкзак, пихаю в него изувеченный ноут и скатываюсь вниз по лестнице, торопливо перебирая ногами.

В комнате я швыряю вещи на диван, затем кидаюсь к ним, достаю телефон, который тоже сильно пострадал от лап проклятого гориллы Егеря, и пытаюсь его реанимировать.

Но старенький ксяоми, который до этого перенес несколько заплывов в раковине и ванной, пару падений на пол и асфальт, выходной в закрытой и забытой на солнцепеке машине, в итоге не вынес издевательств еще и грязными лапами развратника и насильника, и все же испустил дух.

Тем не менее, я раз за разом жму на кнопку включения, надеясь на чудо.

Которого, естественно, не происходит.

Наверху слышен негромкий бубнеж, грязные извращенцы совещаются.

Но мне сейчас плевать, до чего они там досовещаются, потому что я твердо уверена в одном: терпеть их в своем доме я не буду.

Пускай собирают свои манатки и идет прямой дорогой нахер. Вместе с Конем, который теперь навсегда официально будет так зваться, вместо ласкового Борюсика.

Никого из них я возле себя терпеть не намерена.

Все.

Глубина жопы достигла своей критической отметки.

С меня хватит.

Я все еще мучаю нефункционирующий кусок пластика, в который превратился мой телефон, когда лестница начинает стонать на разные лады от творящегося над ней насилия. А именно, от двойного веса здоровенных извращенцев.

Я тут же откидываю в сторону телефон, потверже становлюсь, складываю руки на груди, задираю подбородок. Короче говоря, делаю все, что возможно, чтоб казаться уверенней в себе, серьезней и опасней.

В конце концов, я реально для них опасность представляю! Могу заявление подать в полицию на проникновение на частную территорию, если порыться, то еще и заяву о краже накатаю! Берданка-то дедова куда-то девалась! И вообще, мало ли чего они по мелочи могли спереть? У меня тут, так-то, ценные вещи есть! Бабушкина малахитовая шкатулка для украшений... Правда, без украшений, но сам факт! И дедушкин подстаканник... Он его в купейном вагоне спер еще в семидесятых годах прошлого века. Раритет, мать его! И еще...

Тут захватчики показываются в поле зрения, и все мысли мести и заявах улетают в трубу. Потому что, ну ежу же понятно, что я хорохорюсь... И весь расчет только на то, что они не захотят еще большей шумихи, еще большей порчи своей и без того основательно задрипанной репутации, и молча покорно свалят с моей жилплощади.

Но, судя по внешнему виду захватчиков, никто никуда валить не собирается.

Кот нацепил на голое тело клетчатую рубашку с оторванными почему-то рукавами и застегнул джинсы. Другой одеждой, больше пригодной для гуляний в прекрасную сугробную погоду, не он озаботился.

А Егерь вообще разделся. Стащил с себя свитер с так ужаснувшими меня кровавыми пятнами, и остался брюках-карго и в футболке, возмутительно тесно облепившей его грудь.

У меня буквально все в груди обрывается, когда приходит осознание: не выгоню их отсюда ведь!

Не выгоню!

Как быть?

Самой свалить? Куда? Когда?

Они останавливаются возле лестницы и смотрят на меня одинаковыми изучающими взглядами.

От бешеного пристального внимания становится неуютно, и я, как всегда в таких неоднозначных ситуациях, нападаю.

– Мои слова про дверь были непонятны? – громко и язвительно спрашиваю, а затем картинно указываю пальцем направление движения, – нахер – это туда! Вперед!

– А можно немного повежливей? – предсказуемо рычит Егерь. Я так понимаю, он в их веселой команде извращенцев наиболее невыдержанный. Грубая рабсила. Ну еще бы, с такими мускулами и отсутствием мозгов...

– Нельзя, – отрезаю я и еще раз тыкаю пальцем в сторону двери. Стараясь делать это более уверенно и скрывая, что рука уже дрожит от напряжения.

– погоди, Егерь, – Кот улыбается обаятельно до безумия, что тоже очень предсказуемо, выкатывается вперед своего приятеля, делает шаг ко мне...

– Стой там, где стоишь, – грозно рычу я, сразу давая понять, что я – вообще не одна из их... Как их называли раньше? Группы? Фанатки? Не важно. Короче говоря, я – вообще не одна из них. И меня обаятельной улыбкой и мускулами нифига не пробьешь. И круче видали... Наверно... В фильмах – так точно. Один Джай Кортни, например... О чем я вообще думаю? Это все стресс...

– Стою, – покладисто отзывается Кот, для верности задирает обе ладони вверх, – стою. Ты только не волнуйся, Маша...

– Меня зовут Анастасия, – резко обрываю я попытки перейти на личности, – Маша я только для своих друзей. Конь в их число уже не входит, кстати.

– Хорошо, Анастасия... – Кот делает ко мне мили-шажок, скорее, легкое обозначение, чем полноценное движение, – я так понимаю, ты нас узнала, можно не представляться?

– Узнала, – презрительно цежу сквозь зубы, – вас вся страна знает... Извращенцы.

– Да какого хрена?.. – оживает Егерь и тяжело шагает в мою сторону. Поступь его, особенно в сочетании с бешеным злющим взглядом, заставляет тело порываться холодным потом от страха.

Сухо сглатываю, заставляя себя стоять на месте и не сдавать ни пяди родной земли. Подбородок задираю еще выше, без страха уставившись в темные злобные глаза.

– Егерь, Егерь, – частит Кот, поспешно тоже шагая вперед и пытаюсь оттеснить его плечом, – погоди... Девушка не виновата, что из каждого паяльника про нас херню говорят...

– То есть, обвинения в сексуальных домогательствах – это херня? – уточняю я холодно, – прекрасно. Тогда, думаю, обвинения в проникновении со взломом и краже тоже не доставят неприятностей.

– Да какое проникновение? – орет уже несдержанный Егерь, – да если бы проникли, ты бы точно заметила!

На этой фразе Кот замирает, изумленно пялится на приятеля, потом переводит взгляд на меня, очень по-мужски осматривает, начиная от унтов и завершая расстегнутым пуховичком, и затем начинает ржать. Громко и неприлично даже.

До меня с опозданием доходит смысл сказанной Егерем фразы... Вернее, ее второй смысл, похабный. До Егеря, судя по всему, тоже...

Короче говоря, картина маслом у нас рисуется вполне однозначная. И для меня – безрадостная.

Кот ржет, я оскорбленно молчу, удивляясь сама себе и своему проглоченному языку, Егерь возвышается над нами суровым памятником идиотизму происходящего.

Наконец, Кот прекращает ржать, разворачивается к приятелю, смаргивая слезы смеха:

– Вот за что уважаю тебя, Егерь, так это за то, что ты умеешь пиздануть в нужный момент такое, от чего мозг заворачивается...

– Заткнись уже, – ворчит Егерь, становясь немного менее каменным и позволяя губам искривиться в холодной усмешке.

И какого, спрашивается, черта, я-то все это подмечаю? Мне это все зачем?

– Анастасия, – поворачивается обратно ко мне Кот, – со всем нашим уважением к частной собственности... Произошло недопонимание... Давайте сядем за круглый стол переговоров, обсудим случившееся...

– Тут нечего обсуждать, – отсекаю я попытки демократии. Я тут – единоличный диктатор. – Я мнения своего не поменяю. Это – мой дом, мне плевать, что вам сказал... – тут я делаю язвительную паузу, – Конь... Но со мной никаких договорённостей не было. Пошли нахер.

– Да че ты заладила: нахер, нахер? – вмешивается Егерь, – сама подумай, куда мы пойдём? Ты видишь, че на улице творится?

– Вижу, – отвечаю я сухо, выразительно косясь на окно, где уже не видно неба от метели, – и мне плевать. Садитесь в свою тачку и валите в деревню. Она тут в пяти километрах езды. Если по дороге. И в трех – если напрямки по полю. Не заблудитесь. А если заблудитесь, идите так, чтоб солнце было слева.

– Ты издеваешься, что ли? – гремит Егерь, затем пристальнее всматривается в мои глаза и добавляет, – ну конечно издеваешься... Ты здесь машину видела, полоумная?

Я молчу, напрягая память. Действительно... Машины не видно было... И это странно, у меня тут все просматривается, домик на опушке... И любой транспорт видно отовсюду...

– А как вы приехали сюда?

– А что, не дошло еще? – Кот все же пользуется моментом, подходит ближе и расслабленно плюхается на жалобно скрипнувший стул, барабанит пальцами по столешнице, – нас Конь привез и уехал.

– Но... Почему? Какой смысл?

– Есть смысл... – Кот коротко переглядывается с Егерем, все так же, монументом самому себе стоящим у лестницы и испепеляющим меня хмурыми глазами, – нам здесь надо пробыть две недели... Чтоб без возможностей сорваться с нашей стороны... И никому пробраться со стороны... Другой.

– Бред какой-то... – я рассматриваю развалившегося на стуле Кота, с досадой отмечая, что момент, когда он успел подобраться так близко и устроиться с удобством, не отследила. Господи, реально как кот настоящий... Там тоже с коленей замучаешься сгонять, а потом в один момент отвлечешься, а он – уже вот, на руках у тебя, и голову ушастую под ласку подставляет. И морда при этом такая, как будто все время тут был...

Колени резко дрожат от напряжения, и я, сдавшись, усаживаюсь на противоположной стороне круглого стола, подальше от обоих захватчиков.

Ситуация осложняется, и, похоже, нам придется-таки разговаривать...

Договоренности двух высоких договаривающихся сторон

– Короче говоря, мы сюда приехали буквально за три часа до тебя, – рассказывает Кот, старательно не обращая внимания на мой непримиримый взгляд. Он вообще ведет себя так, словно с друзьями в баре сидит, или даже не с друзьями... С девушкой. По крайней мере, весь свой арсенал на меня применяет.

Улыбается весело, ласково так, глаза темные светятся интересом и вниманием, повадки все мягкие, истинно кошачьи... Главная задача – подобраться поближе. На расстояние удара. Когда уже можно будет когти выпустить и сграбастать добычу. Я это все прекрасно вижу, понимаю, не дура же совсем... И изо всех сил хмурюсь, чтоб в голову похотливую даже мысли не залетело, что могу повестись. По хмурости и настороженности меня в нашей вынужденной компании только Егерь переплюнуть может. Он так и не сел, стоит, опираясь спиной о перила лестницы, сложил ручищи, бугрящиеся мускулами, на груди. И смотрит на меня неотрывно. Его напряженный взгляд пугает и оптимизма вообще не добавляет. Ни грамма. Кот спиной ощущает напряг приятеля, но не решается повернуться, чтоб не упустить преимущество в разговоре. Ну, ему так кажется, что оно есть, преимущество. Три раза ха-ха.

– По пути успели только заехать на трассе на рынок, они в семь утра у вас тут отрываю-ются, пиздец какой-то, ей-богу... Ой, прости... Короче говоря, заехали на рынок, купили тушу барана... Жрать-то надо что-то... А Егерь баранину уважает... Ну вот. Я за рулем был, менялся с Конем, потому что ему еще обратно гнать, устал. Потому, как только заехали, поднялся сюда и лег спать. А Егерь мясом занялся, надо разделать, пока не задубело на морозе... А проснулся от твоего крика...

Я молчу, ожидая дальнейших слов. Потому что, скорее всего, за такой прочувствованной историей последует попытка договоренности. Может, торг. И не в моих интересах начинать это все первой.

Кот, так и не дождавшись моей реакции и немного неуверенно ерзнув на стуле, все же решает продолжить:

– Пойми, мы отсюда не выберемся до тех пор, пока Конь не приедет... У нас даже мобила только одна, простая самая, купили по пути. Для экстренной связи. Нам сейчас нежелательно появляться в интернете, вообще где бы то ни было... Пока все не утихнет...

– Интересно, а как это все может утихнуть? – язвительно интересуюсь я, – обвинения сами собой рассосутся? Как синяки на лице вашей жертвы?

– Да не было никакой жертвы! – неожиданно и раздраженно рычит Егерь, буровя меня злым взглядом, – это все утка подсадная! Да мы ее даже не знаем!

Я успеваю отследить очень даже красноречивый обмен взглядами захватчиков и киплю от ярости. Ну конечно, дурочку тут из меня делать собрались! Фиг получится!

– Мне, на самом деле, плевать, – обрывая я поток лжи, – я вас знать не знала до этой тупой истории и не хочу знать впредь. Вы мне вообще никак не интересны. Я только хочу, чтоб вы побыстрее свалили и оставили меня одну наслаждаться природой и спокойствием. Звоните, давайте, Коню. Пусть скачет за вами.

– Так дело в том, что связи нет, Анастасия, – поясняет спокойно Кот, – вышки, похоже, попадали... Или сюда не добивает... Глушь такая, еба-а-ать...

– Ничего не глушь! – иррационально злюсь я за пренебрежение к своей малой родине. Ругать ее и называть жопой мира могу только я, а не всякие столичные извращенцы! – все тут прекрасно ловило всегда! Я работала даже отсюда!

– А ты кем работаешь, Анастасия? – пытается построить дружескую беседу Кот, – Конь говорил, вы учились вместе... Тоже журналистка?

– Нет, – отрубая я эту попытку, – это не имеет значения...

Тут я задумываюсь, как быть.

Оставлять их здесь – вообще не вариант. Это тупо, это недалновидно, это опасно, в конце концов!

Мало ли, что эти придурки захотят сделать? И со мной в том числе? На них уже есть заява, могут решить, что одной больше – одной меньше... Они же спортсмены... Мышление линейное.

Поймав себя на слегка шовинистических, уничижительных мыслях, немного прихожу в себя. Но в любом случае, не настолько, чтоб разрешить двум потенциальным насильникам находиться в одном доме со мной.

Значит, надо выпроваживать...

Но вот как?

– Слушай, Анастасия...

О, а вот и торг подъехал... Не зря терпела, ждала... Складываю руки на груди, шуюсь сурово на Кота, потом перевожу взгляд на Егеря... И поспешно прячу глаза.

У него какое-то очень жесткое, суровое лицо... Губы сомкнуты, скулы напряжены... Словно еле сдерживается, чтобы... Что? Наброситься? Он в их веселой компашке – главный маньяк, что ли?

Ух... Мороз по коже...

Но вида не подаю.

Держусь непроницаемо.

Кот ловит мой опасливый взгляд на приятеля, тоже смотрит на Егеря, морщится досадливо.

Ну да, этот монстр все переговоры ломает... Непорядок. На месте Кота я бы его устранила.

– Слышь, Егерь, а что там с мясом у нас? Оно же замерзнет, нахрен, на улице. Может, займешься?

Ну вот, я же говорила. Смешные, словно дети малые. Предсказуемые.

– Я его в сени припер, – Егерь не собирается понимать бессловесную коммуникацию приятеля, с места не трогается, всем своим видом выражая твердое намерение врасти тут корнями. Ну, это вряд ли, дружочек... – А то, что на заморозку, снаружи пока оставил.

– Это вы зря, – спокойно комментирую я, – у нас тут медведи водятся... – делаю паузу, с удовольствием наблюдая за немного побледневшими рожками, и добавляю, – шатуны.

И ловлю свой маленький кайф от реванша. Не все вам, придуркам, пугать меня. Я тоже умею.

Естественно, никаких медведей у нас тут нет, не Сибирь все же, но вот волков и лис – полно. А еще кабаны дикие, которые пострашнее медведей будут...

Но эти столичные хлыщи, естественно, уроки географии в школе прогуливали, а потому верят в такой бред.

И рожи у них становятся менее уверенные в своей неоспоримой самцовой правоте.

Я наблюдаю за всем этим и ловлю себя на мысли, что в феминизме что-то есть... Вот так вот смотреть свысока на мужиков... Неплохо... Может, я – феминистка? Ну а чего бы нет?

Надо было раньше в себе это осознать, до того, как решила обзавестись семьей и «дитачками» и наступила для этой цели в говно по имени Женя.

– Конь, блять... – вспоминает незлым тихим словом моего бывшего закадычного друга Егерь, – а говорил, что тут ни одной живой души за километры...

– Ну так не обманул, – пожимаю я плечами, – деревня практически вымирает зимой, только пара домов остается... А звери бродят, да. Им раздолье сейчас.

Егерь хмурится, а затем молча идет к двери, прихватив по пути пуховик.

Мы с Котом провожаем его взглядами, молчим, пока не выходит за дверь.

И только, когда здоровенная фигура защитника уже на пороге, я не выдерживаю, бросаю наставительно:

– Если медведя увидишь, не беги ни в коем случае! Он догонит. Лучше падай на снег и притворись мертвым. А для еще большего эффекта в штаны наделай! Он побрезгует и уйдет!

Егерь выслушивает это все дело, не оборачиваясь, и выходит за дверь.

А я бормочу:

– Хотя, он и так побрезгует...

– Суровая ты девушка, Анастасия, – улыбается обаятельно Кот, присоединяясь ко мне, словно заправский психолог, – прямо не по годам... Кстати, тебе сколько лет? Конь говорил, что вместе учились, но по виду же едва школу закончила...

Я не реагирую на грубую лесть, смотрю на него, выгнув бровь.

Мы одни, приятель, Егеря с его бешеным взглядом нет. Давай. Торгуйся.

– Слушай... – не обманывает моих ожиданий Кот, придвигается ближе, кладет локти на стол, поза прям открытая-открытая... Ах ты, психолог ты доморощенный... Все эти подкаты знаю, блин! Столько в своей жизни такого дерьма для интернет-изданий психологических накатила, впору самой открывать кабинет психологической поддержки! – Ты же понимаешь, что, пока такая метель на улице, мы никуда не сможем уйти? Чисто физически?

– А меня это должно волновать?

– По идее, да... Оставление людей в опасности... Статья такая есть...

– Да. А еще есть статья – незаконное проникновение на частную территорию, взлом... Это я молчу про сексуальные домогательства, которые на вас уже висят. Да меня сто процентов оправдают, если я двоих придурков с таким букетом выкину на улицу!

– Черт... Анастасия, мы же говорили, что это все неправда! Понимаешь? Это – провокация, чтоб развести нас на деньги...

– Мне без разницы, – перебиваю я разошедшегося Кота, – я хочу остаться одна в своем доме! Понятно?

– Понятно, конечно, понятно... Но мы не можем никуда уйти! Телефон для связи не фурычит, местности мы не знаем, медведи, опять же... Мы, конечно, можем уйти... Но где гарантия, что дойдем до деревни? А если свернем не туда, замерзнем по пути? Пусть мы в твоих глазах преступники, но люди все же! Как ты себя будешь ощущать, если мы реально замерзнем, а, Анастасия?

Я молчу.

Как бы я ни была зла на них, как бы ни ненавидела за их проступки... Но в одном Кот прав: я не смогу спокойно сидеть тут, зная, что они ушли и пропали. С ума же сойду от чувства вины!

Но признаться в этом... Да ни за что!

– Анастасия... – Кот, сразу поняв, что удалось меня зацепить, кует железо, – давай так поступим: мы здесь побудем, пока не кончится метель и не появится связь. А потом вызвоним Коня и уберемся с твоей территории! Честное слово! Мы, как мыши, будем! Тихие!

Я делаю вид, что обдумываю, хотя ежу понятно: выбора у меня нет. Но торг – дело святое.

– Так, – я смотрю в шkodливые, обманчиво ласковые глаза, сурово сдвинув брови, – у меня есть несколько условий.

– Да хоть сто, Анастасия...

– Первое, – повышаю я голос, перебивая поток лжи, – я живу наверху, а вам туда хода нет. И вещи все вернули чтоб, как было. Дедову берданку – тоже!

Кот кивает, смотрит честным-пречестным взглядом, какие бывают у заправских лжецов. А я продолжаю:

– Второе: мою еду – не жрать! Все, что в кладовке на первом этаже – мое. Даже нос туда не совать! Третье – готовить самим! Кухню не засирать! Хоть пятнышко увижу, заставлю все перемывать! Четвертое – в доме не курить! Не пить! Не онанировать! Не орать! Не ходить голыми! И в трусах – тоже! Только одетыми полностью!

– А как же нам спать? – удивляется Кот, весело скалясь. Забавляют его мои условия, видите ли! Ну сейчас ты перестанешь улыбаться, гад!

– Одетыми! Даже если вас тянет друг к другу, в моем доме – никакого секса!

С огромным, просто крышесносным удовольствием наблюдаю, как глаза Кота становятся круглыми. Поймал плюху, нападающий? Так тебе!

– Дальше... Ты, может, записывал бы, а то, говорят, у спортсменов память слабая...

Кот хмурится, теряя свой благодушный настрой окончательно. Слабак ты, приятель! Это же я еще к моральной компенсации не перешла...

– А ты – та еще злючка, да, Анастасия? – кривится в ухмылке Кот, все же решая делать хорошую мину при плохой игре.

– Нет, – спокойно отвечаю я, – просто не люблю мудаков, насильников и...

– И мужиков? – перебивает Кот, и сразу становится понятно, что терпение у него тоже нифига не железное, – ты – лесбиянка?

Я ошарашенно молчу. Правда, недолго, настрой все же не пропал, и мне хочется его додавить. Наступить пяткой на яйца.

– Это имеет значение? – опять выгибаю бровь, – тебя смущают однополые отношения? Ты – гомофоб?

– Я? – смеется Кот, – не-е-ет! Ты чего! Я – уж точно не гомофоб! В смысле, гомов не боюсь совершенно.

– Тогда продолжим, – решаю вернуть я конструктив в нашу беседу, – итак... Про отсутствие секса я упоминала... Теперь про моральную и материальные компенсации...

Тут я вынуждено прерываюсь, потому что дверь распахивается и заходит смурной Егерь. Физиономия у него от присутствия на свежем воздухе не стала выглядеть более дружелюбной, что прямо странно. Не любит природу?

– Как там медведи? – ласково интересуюсь я, чтоб сразу с порога задать нужный тон беседе.

– Нормально, – басит Егерь, – один был, я его пинком под зад прогнал в лес... Какие-то они тут у вас, в Рязани, пугливые...

Вот это открытие! У нас Егерь шутить умеет, оказывается! Прямо чудеса на виражах. Или это воздух на него все же повлиял? Прочистил мозг? Но ладно. Вернемся к нашим баранам.

Перевожу взгляд с одного барана на другого и продолжаю:

– Так вот. Материальная компенсация: возмещение стоимости сломанного ноутбука, сотового телефона, бесперебойника и выносного жесткого диска. Берем ручку и пишем расписку.

И, так как ни один из мужчин не дернулся исполнять мое приказание, уточняю несколько растерянно:

– Вы писАть умеете?

От дверей слышится приглушенное матерное рычание, которое я стараюсь стойко игнорировать, а Кот смотрит на меня удрученно:

– Ты чего-то совсем нас за людей не считаешь, смотрю...

– Да нет... – я пытаюсь объяснить, что имела в виду, формулирую в голове у себя фразу и понимаю, что не знаю, что имела в виду. Заигралась, Масыня...

– Ладно, – решаю не заострять больше внимания на этом вопросе, продолжаю, – вон там, в ящике комода, листок бумаги и ручка. Должна писать...

Жду, пока Кот выгребет писчие принадлежности из комода и проверит ручку.

Егерь в это время снимает пуховик, вешает его на стоящую сбоку рогатую вешалку, садится с другой стороны от стола. И получается так, что рядом со мной.

Уж по крайней мере ближе, чем Кот.

Меня буквально продирает мурашками от его такого неожиданно тяжелого присутствия, но отодвинуться я не могу. Это будет слабость, и все переговоры насмарку пойдут. Потому мужественно терплю, только плечом невольно дергаю взволнованно.

– Так... – перечисляю опять все, что сломал Егерь, диктую дальше, – мы, тут ваши фамилии и имена полностью... Желательно еще и паспортные данные, конечно...

– Да ты ебанулась в край! – грохочет Егерь, – еще кредит на нас повесь, малахольная овца! Я разворачиваюсь, смотрю ласково:

– Вот как? А еще я кто? Ты продолжай, продолжай... Я пока сумму моральной компенсации пересчитаю... С учетом вновь открывшихся обстоятельств...

– Анастасия, давай не будем принимать во внимание и усугублять, – торопливо вмешивается Кот, – мой друг немного...э-э-э... расстроился. Переборщил. Он извинится.

– Нихера!

– Извинится! – повышает голос Кот, яростно впираясь взглядом в Егеря, – потом. Сначала решим бумажные вопросы. Продолжай.

Егерь смотрит на меня страшно и холодно, ноздри его породистого носа подрагивают от гнева... А я неожиданно не столько пугаюсь, сколько... А нифига! Нифига!

Разворачиваюсь к Коту, который теперь мне кажется совсем безопасным, учитывая мою тупую реакцию на его приятеля и мои судорожно сжатые по этому же поводу бедра, и, стараясь сделать голос ровным, продолжаю диктовать:

– Обязуемся выплатить материальную компенсацию в размере двухсот тысяч (это – прописью в скобках) рублей...

– Ебанулась! – раздаётся сбоку низкий рык, и я сильнее сжимаю бедра, с удовольствием повторяя:

– Двухсот тысяч рублей... И моральную компенсацию в размере двухсот пятидесяти тысяч...

– Точно ебанулась!

– Зачеркни, напиши трехсот тысяч рублей, и прописью в скобочках. Число и ваши подписи. И расшифровку.

После того, как я завершаю, в комнате наступает тишина. Мертвая. И я бы даже назвала ее гнетущей.

Если б не мое довольно стучащее сердце и колотящаяся в щеки кровь.

– Кот, ты реально собрался это подписывать? – рычит Егерь, а я задаюсь вопросом: он вообще другие интонации знает? Ну, например, как он с женщинами, которые ему нравятся, разговаривает? В постели...

Так, стоп! Не интересно! Вообще не интересно!

Я торопливо поднимаюсь, под предлогом того, что хочу попить, иду к ведру, наполненному водой. Ишь ты, молодцы какие... Притащили же.

Набираю воду в кружку, специально для этих целей всегда стоящую рядом с ведром, пью.

– А воду, между прочим, я таскал, – хрипит Егерь, наблюдая за мной.

Я ставлю кружку на место, разворачиваюсь, улыбаюсь язвительно:

– Надо же, мелочность какая... А ничего, что вода из моего колодца? Может, еще спичками померимся? У меня тут пара коробков завалилась...

– Давай все же внесем коррективы в наши устные договоренности, – предлагает Кот, рассеянно перечитывая расписку и передавая ее Егерю, – у нас есть мясо, фрукты и свежие овощи. У тебя, наверняка, крупы, всякие, там, специи и прочее... Давай объединимся, Анастасия? И не будем делить продукты... А то и в самом деле... Мелочно как-то получается...

Я раздумываю, но недолго... В конце концов... Да фиг с ними, это же всего на пару дней... Надеюсь.

Или даже раньше, если быстро починят связь.

– Хорошо, – киваю степенно, – но готовить я не буду.

– Блять, понятно, почему ты не замужем в свой тридцатник, – хмыкает Егерь, осматривая меня своим жутким тягучим взглядом, – мало того, что характер – дерьмо, так еще и готовить не умеешь...

Ах ты, тварь! Нет, все же зря я пошла им на уступки! И сумма моральной компенсации явно мала!

Кот, поймав мой взгляд на расписке, торопливо забирает ее у приятеля и быстро расписывается.

– Все, мы же договорились? Все.

Егерь хмыкает и тоже подписывает.

А я, выдохнув и решив не опускаться больше до тупых разговоров их уровня, забираю бумагу со стола, аккуратно убираю в карман джинсов и иду к лестнице.

– Если есть какие-то вещи ваши в комнате наверху, то забирайте сейчас.

Иду наверх, меня догоняет Кот, топает следом, отставая на две ступеньки. И его взгляд на своей заднице я ощущаю очень даже хорошо. Как прикосновение.

Злюсь, стараюсь не ускоряться, не показывать свой напряг, захожу в комнатку, тут же разворачиваюсь, чтоб встретить врага лицом к лицу.

И неожиданно упираюсь в широкую грудь, упакованную в свободную рубашку. Ворот расстегнут на несколько пуговиц, и видна темная поросль и какая-то татуха, переходящая лучами на шею.

Дыхание перехватывает, делаю шаг назад, упираюсь икрами в край кровати и чуть не падаю.

В последний момент Кот подхватывает меня за локоть, держит. Разглядывает с близкого расстояния, чуть склонившись, вроде как участливо, а на самом деле... По-другому.

– Ты чего, Анастасия? На ногах не стоишь... – его голос урчит прямо по-блядски, другого слова не подберешь. Так, что волоски по всему телу поднимаются, словно электризуясь и торкая меня малым разрядом электричества.

Резко выдираю локоть, одновременно сдвигаясь в сторону, шиплю презрительно:

– А не надо так близко подходить. Я терпеть такого не могу!

– А чего так? – Кот, как ни в чем не бывало, обходит меня, собирает по комнате вещи, плавно, особо не торопясь...

А я ловлю себя на том, что задыхаюсь от его присутствия. Слишком маленькое пространство. Слишком большой мужчина. Не настолько большой, как его приятель, но на голову выше меня. Это много, очень много...

И опасно. Вид его голых растатуированных рук опасен, и голос его урчащий. И взгляды, которые он нет-нет, да и бросает на меня, думая, что не замечаю. А я замечаю, не дура же.

Отхожу чуть подальше, чтоб не мешать собираться, на вопрос не отвечаю. Нефиг. Обойдется, разговаривать тут с ним.

Все основные моменты прояснили, остальное – незачем.

– Слушай, Анастасия, – Кот подхватывает сумку с собранными вещами, – давай дружить, а?

Леопольд, бляха муха!

– Нам здесь еще сидеть какое-то время... Не надо жить в постоянном напряге.

– Никакого напряга не будет, если вы не будете нарушать мои границы и следовать правилам, – сухо отвечаю я и выразительно киваю на дверь.

– Ну ладно... Как хочешь...

Кот, сверкнув напоследок белозубой улыбкой, выкатывается за дверь, а я с облегчением ее захлопываю за ним.

И сажусь на кровать, правда, тут же подсакиваю.

Он же тут спал! Надо белье сменить!

Роюсь в маленьком сундучке, в поисках дополнительного комплекта, нахожу, спешно перестилаю кровать, а то белье, что сняла, складываю у двери. Сжечь надо будет. Или отдать этим придуркам внизу. Пусть уж доиспользуют. А потом сожгу.

После этого опять сажусь на кровать, сдираю с себя свитер, рассеянно поправляю лямки маечки.

В доме очень тепло, эти придурки явно кучу поленьев уже сожгли... Черт, такими темпами, мне надолго не хватит. Надо заставить их наколоть еще... И уголь в машине остался. И вещи мои, кстати, тоже!

Мне тут даже переодеться не во что! Одна только ночнушка безразмерная, которую мне еще бабушка презентовала. Я ее, помнится, как сюда привезла от нее, так и оставила.

Ее еще потом Борюсик нашел и долго ржал, сравнивая с увиденными в музее специальными ночнушками, которые шились для первой брачной ночи в темном Средневековье. И предлагал дырку сделать. Только не спереди, а сзади. А то так пойдешь ночью по важным туалетным делам, и, пока найдешь концы, уже и не нужно будет...

В принципе, можно и ее напялить... Заодно запугаю столичных извращенцев до нервного энуреза... К такому их жизнь точно не готовила...

Наваливается сонливость. Все же, такой тяжелый день, черт... Одни нервы...

Подремать – самое оно... Но, прежде, надо закрыть дверь на засов. И еще придвинуть, пожалуй, табуреточку в качестве сигнализации. Ей, кстати, роль метательного снаряда удалась на славу и, главное, вообще не повредила. Дед качественные вещи делал...

Встаю, топаю к выходу, попутно сдирая с волос надоевшую резинку, и тут дверь распадается, а на пороге обнаруживается огромная фигура Егеря...

Дедова берданка

Он настолько здоровенный, что не помещается в проем, приходится немного сгибаться. Ему.

А мне – невольно отступить.

Это чисто инстинктивное желание жертвы, слабой и небольшой в размерах, убраться с пути крупного сильного хищного зверя. Не факт, что захочет употребить, но лучше не рисковать. Целее будешь.

Я ловлю себя, практически, в полете. Одна нога уже шагнула назад, тело уже отклонилось, повинуюсь пещерным звериным инстинктам...

Но все же человеческого во мне больше.

Потому и успеваю затормозить.

Делаю вид, что этот идиотский недо-танец – чисто моя инициатива, а не потребность убраться подальше от него, резко вскидываю подбородок и без страха встречаю темный взгляд прищуренных в вечном гневе глаз.

Чего ж ты такой злой-то, извращенец?

– Стучаться не умеем, как я понимаю? – сухо комментирую его хамское появление.

– Не успел, – коротко информирует меня Егерь и нахально заваливается в комнату.

Делать это ему приходится, пригибаясь, а потому движения все больше напоминают медвежьи. Обманчиво медлительные и неуклюжие. И опасные.

Черт, похоже, я все-таки подсознательно очень сильно боюсь этих извратов. Оно и понятно, конечно, учитывая их историю, но все же я думала, что этот период уже отступил...

Но нифига, судя по тому, что нахождение в одной комнате с Котом мне показалось очень опасным...

А уж про ситуацию, которая сейчас, вообще молчу.

Дрожь такая, что как только умудряюсь себя контролировать, чтоб руки не тряслись, фиг его знает...

– Что тебе?.. – голос у меня предсказуемо хрипит, потому замолкаю и сглатываю, ощущая сухость в горле, дикую и дерущую.

Егерь молчит, рассматривает меня...

Взгляд его не скользит, как до этого, медленно и тягуче, а как упирается в одну точку, так там и застревает. В районе моих голых плеч и груди. И это уже в край неприлично!

Я вспоминаю, что стою – в майке, и майка у меня – тонкая, а лифчик по привычке не надела, потому как нечего туда особо класть...

Хотя, судя по дикому взгляду Егеря, вполне есть чего.

Осознав, на что он пялится, отшагиваю все же в сторону, тянусь к свитеру. Плевать, что подумает! Главное, укрыться от этого похотливого разглядывания!

– Ты охренел? – комментирую свои действия, поспешно прикрывая грудь свитером. Надевать его пока не собираюсь, справедливо опасаясь даже на секунду отвести взгляд от хищника. Мало ли, чего ему в голову... Уже взбрело? – Какого фига так пялишься?

Егерь удивленно смаргивает, кажется, только в эту секунду осознавая, что действительно смотрел, переводит взгляд на мое возмущенное лицо... А затем глаза его становятся еще более злыми, а скулы – каменными, он мгновенно надувается своей привычной яростью а затем гневно выдает:

– Размечталась, бя. Нужна ты мне, селедка сушеная!

И, пока я перевариваю оскорбление, вытягивает вперед руку...

– Вот, Кот говорил, что ты по этой рухляди плакала, забери.

В его лапе дедова берданка смотрится игрушечной.

Как я ее раньше не заметила?

Торопливо выхватываю оружие из здоровенной ладони, прижимаю к себе. Потом спохватываюсь, осматриваю, а то мало ли, что эти придурки могли с ней сделать... Сняли же зачем-то со стены. Она там двадцать лет висела, никому не мешала...

При беглом осмотре становится понятно, что придурки определенно с моей берданочкой что-то сделали...

– Вы что с ней сотворили, извращенцы? – хриплю я, разглядывая изрядно посветлевший приклад. И блесит она как-то... Неправильно. Неправильно, что вообще блесит! Должна быть тусклой! И темной! А тут... Приклад-то, оказывается, из светлого дерева...

– Почистили, – грохочет сверху, словно камнями присыпает по металлу моего мозга, сволочь, – смазали... Вообще, нельзя так с оружием обращаться. Она же могла в руках разорваться при первом использовании... Техника безопасности должна же быть хоть какая-то...

– Техника... – эхом повторяю я глупые слова, – безопасности...

А затем до мозга доходит вся абсурдность ситуации. Эти твари пришли в МОЙ дом, зашли в МОЮ комнату, сняли со стены МОЮ берданку и ПОЧИСТИЛИ ее!!!

Извращенцы!

Уроды!

Да кто им позволил???

Сложно сказать, почему я так завелась именно из-за берданки, возможно, это просто стало последней каплей, откатом в череде тупых событий последних дней...

Но факт остается фактом. Возмущение мое вылилось в действия. Неконтролируемые.

Берданка резко откидывается на кровать, а я, не заметив, как тревожно дергается к ней Егерь, начинаю наступать на него и шипеть по змеиному прямо в мерзкую небритую рожу:

– Да как у вас, извращенцев поганых, хватило наглости хватать мою вещь? Это – дедова берданка! Он – последний к ней прикасался! Его память! А вы ее... почистили???

Да кто вы такие, вашу мать, чтоб приходить сюда, трогать мои вещи и издеваться над ними???

Да вы – хуже насильников! Вы – уроды моральные!

Я шиплю это все, не выбирая выражений и не думая о последствиях, полностью увлеченная своими эмоциями, и не замечаю, что Егерь, вначале выглядящий немного удивленным и обескураженным моей реакцией, все больше темнеет взглядом и каменеет лицом...

А затем молча хватает меня за плечи...

Я замолкаю так же резко, как и заговорила до этого.

Егерь, и без того находящийся слишком близко, непозволительно просто близко, неожиданно оказывается буквально прижатым ко мне.

И не просто прижатым!

Он держит меня! Держит так сильно, что не могу шевельнуться!

Замираю, как была, в полу-моменте, раскрыв рот, смотрю в его темные жуткие глаза, запрокинув голову. Руки мои, судорожно сжимающие ткань свитера, оказываются зажатыми между нами и шевельнуть ими невозможно.

И тут Егерь, ни слова не говоря, рывком, словно игрушку, или ребенка маленького, поднимает меня над полом!

Ощущаю, как ноги теряют опору, и вместе с ней уходит мое боевое настроение. Остается только страх и ощущение того, что доигралась. Додразнила хищника...

– Ты, зараза мелкая, охерела вкрай, – рычит он, словно мой «патрик» на низких оборотах, когда еле тянет и вот-вот сорвется к чертям собачьим, – я тебе доброе дело сделал, херовину эту древнюю в порядок привел, а ты мне тут выебываешься? А не много ты на себя берешь, овца? Я ведь могу тебя просто запереть в чулане, а филькиной грамотой твоей подтереться! Поняла, сучка? Поняла?

Последнее слово он рычит уже практически нечленораздельно. И очень. Очень страшно.

Мои ступни тупо болтаются в воздухе, мои руки прижаты к каменной груди, сердце замирает на какой-то очень высокой, пронзительной ноте... И взгляда оторвать от бешеных глаз этого зверюги невозможно.

– Дура бестолковая... – неожиданно переходит он с рыка на шепот... Я не успеваю ничего понять, среагировать на такую внезапную перемену в настроении хищника...

Егерь еще мгновение разглядывает мое запрокинутое лицо, обхватывает сильнее... И, рывком подтянув еще выше, провезя по себе до самого лица, прижимается к моим губам в диком, жадном и совершенно неожиданном поцелуе...

И это – ах! – невероятно!

Я настолько обескуражена, настолько испугана, что не понимаю даже, что происходит. В самом деле не понимаю!

Только что я была полна ярости, кричала, возмущалась и была готова растерзать этих гадов за насилие над дедовой памятью, а сейчас словно в ступоре, в каком-то дурацком вакууме нахожусь... Он не целует меня.

Хищники не умеют целовать.

Он меня... ПОГЛОЩАЕТ.

Берет. Силой.

Я просто пошевелиться не могу, абсолютно недоступны любые средства борьбы: ни шевельнуться, ни крикнуть. Ни укусить.

Хотя, последнее я могу, конечно, но... не могу.

Голова словно в диком, безумно дурмане, кружится и совершенно не соображает. Его губы жадные и абсолютно неласковые, этому зверю не требуется обратной связи, моей реакции на его действия. Он просто делает то, что ему хочется сейчас, в чем нуждается.

Но самое жуткое в ситуации совсем не это.

Совсем другое.

Самое жуткое, что я реагирую на происходящее совсем не так, как надо!

Это чудовищно, но... Меня тоже это ПОГЛОЩАЕТ...

Совместная ненависть

Меня никогда так не целовали, никогда не трогали так. И, наверно, только этим, своей неподготовленностью к ситуации, к необычности ощущений, я могу оправдать свое бездействие.

Ну и еще тем, что как-либо действовать чисто физически нереально. Егерь держит так, что не дернешься. И целует так, что не остановишь.

И в итоге я не останавливаю. Подчиняюсь стихии.

Он что-то рычит мне в рот, реально, словно дикий зверь, его язык нахально проникает так глубоко, что начинаю задыхаться. И, наверно, от нехватки воздуха, голова еще больше кружится, и пусто там, пусто, словно в мячике для занятий фитнесом!

Еще никогда не ощущала я такой беспомощности в сочетании с дико стучащим сердцем, которое ломит в грудную клетку и заставляет, кажется, все тело пульсировать.

Егерь меня целует, лишая воздуха, сил, головы, а я ощущаю себя не человеком уже – какой-то бессмысленной субстанцией, которая бьется в такт его движениям и тянется к нему, к своему захватчику...

Один шаг – и я стою уже на краю низкой кровати, сравниваясь в росте с Егерем, и, вроде как, твердая основа под ногами должна придать уверенности, но уверенность получает только этот захватчик. Ему теперь проще держать меня, легче распускать лапы, отправляя их в вольный выгул по моему дрожащему от неожиданности и напряжения телу.

Я ощущаю это все смазано, словно в бреду, длительном и сладком. И не могу ничего сообразить, даже когда он перестает терзать мои губы... И переключается на шею и плечи.

И здесь тоже в полной мере проявляются звериные замашки. Он не целует: лижет, кусает, рычит что-то сквозь зубы, матерно и гневно, словно обвиняет меня в происходящем, словно это я его заставляю, а не он! Не он сам!

Удивительно, кстати, что это все вообще понимается сквозь толщу обрушившегося на меня безумия.

Как проблеск солнечного света на глубине. Единственный, кстати.

Потому что в остальном ничего не меняется.

Руки мои по-прежнему нелепо сжимают края свитера, в глупой попытке прикрыть то, что уже смысла не имеет прикрывать, потому что Егерь всю шею облизал-искусал, все плечи, ключицы... И только вопрос времени, когда доберется до груди...

От осознания, что это обязательно случится, ощущаю, как начинает ныть и наливаться тяжестью все внутри, как собираются соски, становятся чувствительными – тронь – и больно будет!

Раскрываю рот в тщетной попытке глотнуть воздуха, потому что, хоть Егерь и занят сейчас другими частями моего тела, кислород в легкие не поступает. Там – словно сжиженный азот, рвет на части, сводит с ума, дышать нечем и незачем.

– Сучка сладкая, – рычит уже вполне различаемо Егерь, неожиданно отрываясь от облизывания моей кожи, вскидывает голову, смотрит в глаза... И я в очередной раз поражаюсь

холодному безумию его глаз, черному, затягивающему... Он же абсолютный зверь... Что он делает со мной? Как смеет? Как я так позволяю? Я что, дура безвольная?

– Ненавижу таких, – сообщает между тем Егерь... И опять прижимается к моим губам. С явной такой, очень впечатляющей ненавистью.

А я... Я ему отвечаю. Тоже с ненавистью, естественно.

Он ощущает всю степень этого совместного для нас чувства, рычит сдавленно, сжимает пальцы на моем затылке, крепче втискивая в себя, а второй рукой дергает майку сзади, да так, что лямки трещат. Я в ответ наконец-то оставляю в покое свитер и злобно царапаю дубленую кожу на шее. Это почему-то не тормозит его, а заводит еще сильнее.

Егерь усиливает напор, уже двумя руками раздирая на мне остатки майки, а затем отстраняется, чтоб убрать с груди все, что мешает обзору. И тактильным ощущениям.

Замирает, разглядывая острые соски, и я впервые совершенно не стесняюсь своей полторашки. Потому что невозможно стесняться того, на что смотрят с таким голодом.

Егерь шумно втягивает воздух, словно здоровенный бык, ноздрями дрожащими, затем смотрит мне в глаза и говорит тихо и жутко:

– Выебу тебя сейчас так, что визжать будешь, стерва мелкая.

Я не оставляю этот манифест без резолюции, с размаху фигаю ногтями по наглой морде.

Он дергает щекой, словно его не ударили со всей силы, а, например, комар куснул, усмеяется... И срывается опять в дикий, бешеный поцелуй!

И в этот раз я – полноценный участник событий, а не жертва! Не дождется, скотина!

Я кусаюсь, толкаю, царапаю его... И отвечаю на каждое движение ненасытных губ.

Рычание зверя становится все яростнее, мои действия – все безумнее, и вполне понятно, до чего бы нас это довело, в итоге...

Если бы в пылу разборки мы не упустили один важный нюанс...

В конфликте есть третья сторона...

– Егерь! – раздавшееся от дверей рычание вообще не похоже на предварительно слышанное мною ласковое мурлыканье. Сейчас там ревет зверюга, вообще не уступающий тому, что уже несколько минут (а по ощущениям – часов) терзает меня своими наглыми губами.

Егерь тормозит, не оглядываясь назад, тяжело дышит, ноздри его ходуном ходят, пальцы на моей талии сжимаются, кажется еще сильнее. Переломит меня сейчас, словно спичку, монстр!

– Кот, пошел нахер! – рычит он, даже не делая попытки прекратить то безобразие, что сейчас творит. И, судя по тому, что приятеля отправляет в пешее эротическое, твердо намерен продолжить.

– Да бля! Мы еще из прежнего говна не выплыли! – С досадой и яростью отвечает Кот, шагает к нам, торопливо осматривает меня, почему-то уделяя особое внимание голой груди, вижу, как на секунду расширяются его зрачки и тут же сужаются. Реально, словно у кота! – Анастасия, он к вам пристает?

– Нет, помощь первую оказывает, чтоб его! – Возмущаюсь я постановке вопроса. Хорошо, что к этому моменту удастся сделать глоток воздуха, не отравленного вездесущей похотью Егеря, и мозг немного включается. Я осознаю произошедшее, краснею от ужаса и досады. Ну и злюсь заодно, хотя и весьма запоздало, на свою тупую реакцию... Стыдно, черт! Так стыдно!

И потому все это дело требуется скрыть! А как можно скрыть стыд? Только грамотным переводением стрелок, естественно! – Отпусти меня, немедленно! Зверь! Варвар! Гад!

С каждым оскорблением я с огромным удовольствием луплю по небритой морде, рискуя стесать ладони о щетину. Егерь не отвечает и вообще, кажется, никак не реагирует на мое показательное выступление.

И смотрит... э-э-э... ниже глаз. Значительно.

До меня только в этот момент доходит, что, скорее всего, при каждом моем ударе подпрыгивает и трясется грудь, хотя чему там, ко всем чертям, трястись?

Самое дурацкое в этой и без того идиотской ситуации то, что Кот тоже смотрит... Туда.

Ловлю его внимательный взгляд и бешусь еще сильнее.

Да что за бред, в конце концов?

И эти люди будут меня уверять, что интернет издания все врут про их маньячность?

Да тут, пожалуй, ситуация обратная!

Приукрашивают нелестную действительность!

– Прекратите пялиться! И выйдите прочь из комнаты!

– Нихрена! – рычит опомнившийся от сиськогипноза Егерь, – Кот уйдет, а я – останусь!

Ты сама хотела!

В доказательство своих слов он стискивает меня еще сильнее, так, что дыхание перекрывает полностью!

Я нахожу в себе силы взвизгнуть и двинуть его ногой. Куда-то там.

Егерь ругается, расцепляет немного лапы, и я тут же отпрыгиваю на противоположный конец комнаты. По пути умудряюсь прихватить остатки майки и закрыться ими.

Забиваюсь в угол и шиплю оттуда, как кошка:

– Пошли вон! Оба! И из дома моего – вон!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.